

Кристина Выборнова

Хорошие люди

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Кристина Выборнова

Хорошие люди

<https://litres.ru/74410314>

SelfPub; 2026

Аннотация

Агата Павлова, студентка весьма вольных нравов, найдена задушенной в лесу рядом с элитным поселком. Под подозрением - несколько семей, живущих в соседних домах. Все они люди приличные, успешные, интеллигентные. Но майор Колин Розанов уверен: убийца среди них. Его девушка Ксюша, которая помогает ему в расследовании, пытается доказать невиновность подозреваемых. Тем более, что сын одного из этих "хороших людей" попросил ее о защите...

Содержание

Ксюша	4
Колин	9
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Кристина Выборнова

Хорошие люди

Ксюша

Осеннее утро начиналось как обычно. Я покормила и выгуляла Тобику, заодно и сама немного прошлась, рассеянно разбрасывая мыском ботинка горки ярких листьев. Было тепло и солнечно, как часто бывает в середине октября, и желтые деревья так горели на фоне бирюзового неба, что я не выдержала и сделала несколько фотографий. Потом собралась сфоткать саму себя и принялась было выбирать удачный ракурс, но вдруг вспомнила, что времени-то у меня мало: заказанную песню нужно было сдать уже через три дня, а в аранжировке еще конь не валялся. Вздохнув, я было неохотно развернулась к дому, и тут у меня зазвонил мобильник. Это была моя подруга и музыкальная коллега, певица Аня. Обычно она в такое время не звонила, потому что любила спать до двенадцати дня, так что я нажала на зеленую трубочку принятия вызова с сердцем, заранее сжавшимся от тревоги.

И тревога оправдалась. Во весь свой громкий певческий голос Аня взволнованно кричала:

- Ксюша, Ксюша, ты меня слышишь?! Мне Фима позво-

нил! Он говорит...

- Какой еще Фима?

- Ну, Фима Могильный, сын папиного друга! Ты же его видела на моем дне рождения! Фима позвонил - и он говорит, что к ним пришел твой парень и он их прессует и хочет арестовать!

- Какой еще мой парень? Почему арестовать? - опешила я.

- В смысле какой? С кем ты живешь-то? С которым ты летом познакомилась на волонтерстве, когда кто-то там детей похитил... Полицейский твой с иностранным именем!

- А-а-а, - сказала я после паузы. Хотя я действительно теперь часто жила у Колина по нескольку дней и вообще в данный момент сидела в его квартире и выгуливала его собаку, я никогда не называла своего любимого «парнем» даже в мыслях: это прозвание ему совершенно не подходило. Аня тем временем что-то быстро говорила; я потрясла головой и постаралась вслушаться.

- Ксюша, ты можешь сделать что-нибудь? Позвонить ему? Фима говорит, он их прессует, арестовать грозит! У него мама болеет, папа такой замечательный интеллигентный человек! А твой парень... я же видела его. Он их сейчас так напугает. Позвони!

- Ань, да он не подходит, если в этот момент работает, - сказала я растерянно. - Я могу ему написать, но он ответит через пару часов, наверное...

- Ксюша! Какие пару часов!

- Ань, ну я же им не управляю.

- Но влияние-то ты на него имеешь наверняка!

- Наверное, да, но не такое же, чтобы он от моего звонка кого-то перестал... прессовать.

Аня чуть подумала, тяжело дыша в трубку, и выдала:

- А тогда, Ксюш, знаешь что... Поехали! Поедем с тобой к Фиме? Я за тобой заеду! Потому что ну нельзя так. Они люди интеллигентные, у них весь район такой, а твой парень - он же этого не понимает и может правда довести...

Во мне поднялась волна возмущения. Я хотела было спросить «почему это Колин не понимает интеллигенцию?!» и рассказать, что он читает больше меня и Ани вместе взятых, что он бывший вундеркинд и сыщик просто гениальный. Но, уже открыв рот, вспомнила про вторую, агрессивную и «хулиганскую» ипостась моего любимого, в которую он часто впадал на ровном месте и тогда действительно начинал напоминать не глубокого умного человека, каким я его знала, а подъездную шпану, которая без разбору машет кулаками и без мата не может связать двух слов. Кто гарантирует, что он именно так не поговорил с этим Фимой и его родителями? Может, и правда мое появление заставит его вести себя хотя бы немного повежливее?

- Хорошо, Ань, - сдалась я со вздохом. - Давай съездим. Сейчас собаку заведу домой и соберусь.

- Спасибо, Ксюшенька! Я за тобой заеду буквально через десять минуточек! - выдохнула Аня и отключилась.

Приехала она действительно оперативно: я едва успела натянуть самые немятые джинсы и подходящую для «интеллигентского» дома бежевую кофту из кашемира, как красная Анина машинка замаячила под окном. Я вылетела на улицу, взрывая листья, и залетела в салон. Бледная Аня с растрепанными косами кивнула мне и рванула с места, как гонщик. Этот Фима был ей, видимо, сильно дорог... Хотя встречалась-то она с парнем своего возраста, певцом Пашкой, а Фима, насколько я помнила, был нас младше по крайней мере на десять лет. Но сейчас был явно неподходящий момент уточнять, что у них там за отношения. Мне хватало других проблем: я пыталась представить, как буду разговаривать с Колином. Хотя он много раз признавался мне в любви и то и дело предлагал пожениться, но при этом у нас периодически случались жутко бурные ссоры, и его реакцию на мое вмешательство в расследование трудно было предсказать. Но так же с трудом верилось в то, что Колин с порога может начать кого-то арестовывать: я все же достаточно успела познакомиться с полицейским миром, чтобы понимать, что это не так-то просто - арестовать человека на ровном месте.

Я попыталась объяснить это Ане, когда мы встали на очередном светофоре, на что подруга только тяжело вздохнула:

- Не знаю, Ксюш, я бы не была так уверена. По-моему, ты его немножечко идеализируешь. Он у тебя такой... резковатый даже когда не на работе.

В ответ я тоже только и могла, что тяжело вздохнуть.

Переубедить Аню было невозможно, потому что «резковатость» Колина она наблюдала воочию, когда я притащила его на встречу своих друзей. Именно на этой встрече он сначала держался как официальное лицо и разговаривал казенными формулировками типа «я работаю в силовых структурах», потом ехидно высмеял одного из гостей, который на свою беду перепутал стих Пушкина со стихом Лермонтова, а, когда его попытались расспросить о работе, сообщил, что к нему надо приходить, «когда вас убьют с особой жестокостью». В общем, более жуткого впечатления он не мог бы о себе создать, даже если бы специально старался. Так что я временно сдалась и просто стала считать километры...

Колин

Солнышко пробивалось сквозь ярко-желтую листву небольшого леса, грело макушки мне, участковому и свидетелям и живописными пятнами осеняло труп девушки, виднеющийся из подлеска в овраге.

Нашли его подростки из ближайшего поселка: трое пацанов и две девчонки. Сейчас они стояли рядочком возле местного участкового, бледные, но очень модные: судя по их фирменным штанам и курткам, а также навороченным мобилам, поселок был не из бедных. Участковый знал подростков по именам и общался с ними примерно так, как заботливый дедушка общается с любимым внуком: только что не сюсюкал. Да, собственно, дедом он и был: на вид лет под шестьдесят, весь седой, усатый и толстоватый - про такой типаж в книгах обычно пишут что-то вроде «У него было доброе, просто-душное морщинистое лицо и ласковый прищур синих глаз». Он то и дело наклонялся к подросткам, чтобы отечески похлопать их по плечу или погладить по головке, а те бледно улыбались и называли его «дядя Костя». Что за милый мирок тут у них - и откуда в нем взялся труп задушенной девицы с внешностью средней проститутки?

- Так, ребята, - я отвернулся от оврага и подошел к подросткам. - Сейчас мы ждем судмедэксперта и кого-нибудь из моих коллег. А вы пока расскажите, как нашли тело.

- Давайте, давайте, - ласково подбодрил их участковый. - Не бойтесь. Вот, Демьян, наверное, лучше всех расскажет, он же любит поболтать, да, Дема?

- Ага, дядя Костя, - охотно согласился Демьян. По нему - тощему, с головой огурцом и выпученными глазами - реально было видно, что язык у него без костей. - Ну, мы, короче, пошли в лес, идем, смотрим, а в овраге как будто какая-то тряпка. Я говорю, пошли посмотрим, и потом...

- Секунду, - я выставил перед ним ладонь, прерывая речевой поток. - Отматываем назад. Как именно вы здесь оказались?

- Так я же говорю: мы пошли в лес...

- Зачем?

Пацан стушевался и вдруг умолк. Ему на помощь пришла девчонка, неуверенно промямлив:

- Ну мы пошли просто погулять...

- В самый бурелом?

- Ну, ползать, - вступился участковый. - Вы разве в детстве не любили ползать по всяким стройкам, оврагам, лесам-горам?

- Послушайте... - я бросил взгляд на его погоны, - ...капитан. С какой целью вы им что-то подсказываете?

- Капитан Смирнов я, Константин Михалыч, меня Михалычем и зовут все. Да я не подсказываю, а просто какая разница-то. Ведь не они же ее убили.

- Откуда вы это знаете?

Синие глаза участкового расширились. Он поглядел на меня с праведным негодованием, снова напомнив героя какой-то советской книжки про честную неподкупную милицию.

- Да оттуда, что я их всех тут с рождения видел! Я на этом участке сорок лет проработал, и живем мы в соседних домах.

- Угу, «двенадцать лет ебу мыло», - пробормотал я себе под нос и добавил громче: - Количество лет ни на что не влияет. Так зачем вы полезли в чашу?

Это я сказал уже подросткам. На этот раз ответила самая рослая и уверенная из девчонок.

- Нам надо было поговорить, - сказала она басом.

- Чего надо было? - я наклонился почти к ее лицу.

- Поговорить...

- Послушайте, товарищ... не знаю вашего звания, - снова вступился участковый. - Что вы детей-то пугаете?

- Майор Розанов, спецподразделение «Прикрытие». Я не пугаю, я нюхаю. У меня обоняние не фонтан.

- А?

- Ну нельзя было сразу сказать, что вы поперлись в лес, чтобы выпить? - спросил я подростков. - От вас двошит - аж глаза слезятся. А вот у того пузырь из кармана торчит. Тоже мне секрет Полишинеля.

- Да не знаем мы никакого Полишинеля, честное слово! - возмутился Демьян.

- В этом я даже не сомневался, - парировал я. - С образо-

ванием сейчас еще хуже, чем в мое время. И зачем вы, капитан Смирнов, их выгораживали? - Да у меня от курения тоже нос-то не чует ничего, - пробормотал участковый растерянно. - Что же вы так, ребята?

- Дядь Кость, мы совсем чуть-чуть, попробовать!

- Маме не говорите, ладно?

- Нас убьют!

Не дослушав это трагикомедию, я отвернулся от всей компании, увидел в телефоне, что Синдерелла Ивановна на подходе, и, натянув перчатки, с треском полез в овраг к труп.

Присев рядом с девицей-покойницей на корточки, я разглядел ее получше, и увиденное только подтвердило впечатление, которое она производила издали. Как выражался Жене, «опять нам досталась какая-то проститутушная».

Профессиональной шлюхой покойная, наверное, все-таки не была, скорее относилась к той категории, которая занимается развратом не за деньги, а просто, как говорится, по зову души. Все было при ней: перекачанные губы, грудь, похожая на два футбольных мяча, множество татуировок разной степени игривости: от плохо срисованного «Давида» Микеланджело до хуя с крылышками - а также наращенные ногти, волосы, ресницы и спасибо что не брови. Тех людей, кто после такого остался бы в сомнениях насчет ее морального облика, добивала одежда: коротенькая кожаная юбка, топик, похожий на кружевной лифчик, и португеза из ремней поверх него. Как в интернете говорят невежливые люди - «выебиме-

ня-лук».

Была бы здесь Ксюша, она бы наверняка начала мне возражать и говорить, что надо на мир смотреть ширше и к людям быть мягче, и что, мол, девушка вполне при такой внешности может быть целомудренной скромняшкой, а вот это все сделать «ради самовыражения», и что она, Ксюша, не раз такое видела среди своих знакомых и бла-бла-бла. Я был с ней согласен, что частные случаи всегда имеют место быть, но все же при отсутствии данных предпочитал судить по статистике, а она говорила, что девица-таки шлюховатая, и это надо будет учитывать при установлении мотивов... чего? А, удушения.

На шее красотки виднелись аж две странгуляционных борозды: одна поглубже и покраснее, другая - менее глубокая, зато более синяя. Это что же ее, задушили целых два раза с некоторым промежутком во времени? Странно, но получилось, что так. На руках там, где не было татуировок, виднелись синяки. Юбка была задрана по самое не могу, и оно показывало отсутствие белья. Так, надо обязательно понять, не было ли еще и изнасилования. Если было, это наводило на тоскливые мысли об очередном мелком маньяке, павшем жертвой осеннего обострения. Искать такого - это обычно на себя обидеться, потому как неучтенных психов у нас миллионы...

Мои раздумья прервал энергичный хруст веток - и через секунду в овраг ко мне ссыпалась Синдерелла Ивановна со

своим чемоданом инструментов. Я встал и поймал ее, чтобы по инерции не наступила на тело.

- Уф, спасибо, мой дорогой, - пробасила судмедэксперт и поправила седой пучок. - Я еще, главное, сегодня каблукки надела в первый раз за несколько лет. Муж мне говорит: смотри, сглазишь. И действительно, вон куда залезли... Что тут у тебя?

- Да сами видите, какая-то гражданка пониженной социальной ответственности. Я, кстати, правильно понимаю, что ее два раза душили?

- Да, верно. Первый раз, видимо, не получилось, а вот второй...

- Погодите. А разница во времени-то какая между удушениями? По-моему, точно больше нескольких минут - труп недавний, хорошо видно.

- Я думаю, около часа, - Синдерелла Ивановна, аккуратно подвернув полы плаща, присела рядом с девушкой.

- Ну вот. И что она в этот час делала? Ждала, пока ее додушат?

- Пока не могу сказать, дорогой мой. Может, сознание потеряла. Сейчас ногти посмотрим - может, сопротивлялась...

- А по изнасилованию что?

- Ну, наверняка не скажешь, толком ничего не видно. Сексуальный контакт мог быть, но, скорее всего, не насильственный... Да, никаких характерных повреждений нет.

- Слава тебе господи! Может, все-таки не маньяк. Давайте

далее посмотрим.

Смотрели мы девицу тщательно и через полчаса вылезли из оврага, чтобы прибывшие службы могли ее упаковать для перевозки, с прибавившейся в голове информацией.

Во-первых, секс у нее был (кто бы сомневался), и довольно жесткий, но, по совокупности картины, скорее добровольный, чем нет. Биоматериала добыть не удалось, как и пожить кровью или кожей: под длиннющими ногтями толком ничего не было, кроме земли. Во-вторых, при ней был кошелек с деньгами и картами, то есть напали на нее вряд ли уж с целью ограбить. В-третьих, само нападение было совершенно не здесь: в овраг девицу просто сбросили. Вдоволь поползав по кустам на четвереньках, я нашел-таки место происхождения: оно было на небольшой полянке совсем недалеко от оврага. От него шли явные следы волочения, трава полянки была примята и истоптана будто слоном. Но, к сожалению, эта же трава напрочь скрывала следы и глотала возможные улики - чтобы что-то здесь найти, нужно было пылесосить или полдня просидеть носом в землю. Таким временем я не располагал, поэтому попросил осмотреть полянку Андрюшку, то бишь лейтенанта Перепелкина, который приехал вместе с Синдереллой Ивановной.

Я же сам решил выйти из чащи в цивилизацию, а именно, в поселок, из которого происходили пьющие подростки. Все та же статистика подсказывала мне, что чаще всего убийство совершается кем-то местным не в таком уж далеке от

его собственного жилья. По банковским картам мы установили личность девицы: ее звали Агата Павлова, 23 года, училась на какого-то там дизайнера. Еще полчаса немудрящих поисков информации показали, что однокурсником Агаты был некий Серафим Могильный (отпадное сочетание имени и фамилии), ее преподавателем - пожилой профессор искусствования Дмитрий Рязанский, а Сергей Могильный, отец Серафима, был в том же университете проректором. И все они живут как раз в ближайшем поселке. С них-то я и решил начать.

Поселок был действительно очень небедный и состоял в основном из таунхаусов или как их там: то есть длинных домов в 2-3 этажа, с коричневыми крышами и узорчатыми балкончиками. Дома тянулись вдоль ухоженной улицы, рядом с ними виднелись аккуратно подстриженные кусты и цветочные клумбы. Профессор и Могильные удобненько жили в соседних домах, так что мне не пришлось сильно трудить ноги. Но с профессором сразу не срослось: когда я сунулся к подъезду, от него отъезжала «скорая». Вышедшая из дома пожилая женщина, видимо, профессорская жена, со вздохом сказала мне, что профессор и вчера, в предполагаемый день убийства, и сегодня целый день страдал от приступов стенокардии, не вставал с кровати, и ему явно было не до того, чтобы шманяться по лесу за девицами. Я покивал и ретировался: не то чтобы я совсем сбросил профессора со счетов, он может по крайней мере что-то знать, - но поговорить

с ним можно и завтра, когда очухается. Серафим Могильный вызывал у меня больше надежд, поскольку был моложе и сильнее.

- Молодой и сильный Серафим Могильный, - пробормотал я в рифму и позвонил в дверь соседнего дома.

Открывать мне не торопились: прошла целая вечность, прежде чем глазок в двери мигнул светом. Я сунул глазку свое удостоверение и сообщил привычной скороговоркой:

- Полиция, майор Розанов, откройте, мне надо с вами поговорить по поводу убийства Агаты Павловой.

- Откуда мы можем знать, что вы из полиции? - отозвался подозрительный мужской голос за дверью. - Документы сейчас легко подделываются.

- Господи, ну найдите на карте отделение номер четыре, позвоните по номеру, который там есть, и спросите, работают ли у них я. Я пока посижу отдохну.

С этими словами я плюхнулся на крыльцо: ноги после трех часов шараханий по лесу и ползаний в кустах уже отваливались, особенно левая, где была проклятая плохо заросшая трещина в кости. Морщась, я закинул левую щиколоткой на колено правой ноги, и, покачивая получившейся конструкцией, закурил завалявшуюся в кармане сигарету. Завалялась она там, видимо, с какого-то места происхождения, потому что оказалась крепкой и ядреной: мозги немного прочистила, зато вызвала бешеный кашель. Я бросил бычок в центр клумбы с розовыми петуниями, откашлялся в послед-

ний раз и снова встал, потому что в двери наконец заскрипел замок. Меня впускали.

Люди, которые встретили меня внутри дома, как и местный участковый, сильно напоминали героев то ли книги, то ли фильма. Таких там называли «милая интеллигентная семья». Семья состояла из тощего очкарика с шухером на голове (собственно Серафима Могильного), его мамочки, такой же худой и остроносой пожилой женщины в очках и шелковом халате - и папаши, того самого проректора, вялого и пузатого ученого мужа с квадратной седой бородкой. В квартире царили умеренный порядок и неумеренный достаток, всюду лежали старые книги и стояла недешевая техника, на стенах висели черно-белые портреты каких-то советских и даже дореволюционных граждан - в общем, стандартное благополучное семейство с многолетней родословной. Уж не решил ли Сима Могильный внести в нее немного разнообразия, прищучив Агату?... Недаром у него погоняло как у вора.

Меня отконвоировали в довольно большую комнату с длинным столом: отец и мать Симы буквально шли справа и слева - наверное, боялись, что я чего-нибудь у них стибрю по дороге. После этого Сима уселся на другой конец стола как можно дальше от меня и принялся нервно мять руки, папаня сел напротив, а маманя, сделав губы куриной гузкой, сообщила сквозь нее:

- Кофе и чая у нас, к сожалению, нет, не ожидали... гостей. Могу предложить воды.

Я отмахнулся:

- Не трудитесь, лучше присаживайтесь. Как я и сказал, я пришел по поводу убийства Агаты Павловой.

- Какое у вас любопытное имя. Сейчас в полицию принимают работать иностранцев? — вдруг разразился идиотским вопросом Симин папаша.

- Я русский, по крайней мере по паспорту, - отозвался я, сдерживая раздражение: вот же, блин, подсуропила моя биологическая маманя, дав мне имя то ли из любимой книжки, то ли из сериала, прежде чем сдать в детдом.

- А почему ваше подразделение называется «Прикрытие»? — продолжал расспросы Могильный-старший. - Что вы там, хе-хе, прикрываете?

- Мы прикрываем рот, когда говорят другие. Не перебивайте меня, - я нашел в телефоне фото еще живой Агаты из соцсетей и сунул ему в нос: - Узнаете девушку? Встречали ее вживую?

- Э... Нет. Она несколько... фривольно выглядит.

- Я тоже не узнаю и, конечно, не встречала, - отрезала его жена. - Мы с такими людьми не общаемся.

- Вы-то нет, а вот ваш сын...

- Тем более!

- Узнаете? - я повернул к Симе экран.

- Нет, - брякнул он, сначала побледнев, потом покраснев.

Я молча смотрел на него. Сима еще пару раз сменил цвет, как светофор, и остановился на желтовато-бледном.

- Ну и? - прервал я молчание. - Чего мы врем?

- Я не...

- Вы вот не надо эти ваши милицейские-полицейские штучки! - снова вмешался папаша. - Переименовались - так и работайте по-европейски! Сейчас не те времена, чтобы людей в застенки упекать! Раз сказал, что не врет, значит, не врет.

- То есть ваш сын не узнает собственную однокурсницу?

Сима снова покраснел и промямлил, заикаясь:

- Я м-мало общаюсь в-в институте, я п-просто не узнал...

- И имя-фамилия не навели на мысли?

- Н-ну я не запоминаю все им-мена...

Мать Симы хлопнула ладошкой по вышитой скатерти с мерешкой:

- Да что это такое! Он ничего не сделал!

- Вот именно! - подхватил папаша. - Приходят без ордера, без всего, пугают... Беззаконие!

- Да-да! Вы со своими уголовниками так разговаривайте, а мы люди приличные! Мало ли кто с этой еще учился на одном курсе: вы всех посадите, что ли?

- Учился много кто, а живете рядом с трупом только вы, - отозвался я. - Где вы все были вчера с восьми утра до двенадцати дня?

- Мы все были дома! - сказала маманя поспешно.

- И на учебу ваш сын не ходил?

- Он плохо себя чувствовал и остался дома. И никуда не

выходил, я ручаюсь.

- Я тоже могу засвидетельствовать, - закивал отец. - Мы вообще не ранние пташки, и встаем-то обычно в одиннадцать, рабочий график позволяет...

- Если вы встаете в одиннадцать, откуда вы знаете, что ваш сын из дома не выходил?

- У меня чуткий сон! - маманя вскочила, подняв руку, как на уроке. - Я сразу слышу, как кто-то ходит и тем более если замок щелкает! Мы все были дома! Что же это такое-то!

Я обвел семейку внимательным взглядом. Семейка дергалась и дружно меняла цвет, будто происходила из породы хамелеонов. Я был более чем уверен: они не только знали Агату, но и не раз видели ее вживую, а вот говорить про это не хотят. Интересно, почему? Что касается взаимного алиби, то, учитывая, что это члены одной семьи, оно шито белыми нитками. Поддавить на них еще или напугать и оставить довариваться? По размышлении я выбрал второй вариант: обычно долго держать форс люди не могут, к вечеру сил у них станет поменьше, тогда и поколупаю еще.

- Что ж, - сказал я, подставив скрещенные пальцы под подбородок и ощерившись в подобии улыбки (Ксюша как-то увидела это выражение и потом просила меня больше так никогда не делать). - Если у вас всех так плохо с памятью, вы пока подлечитесь. А я к вам еще вечером зайду. Соберу информацию, и, если она окажется удачной, может, сразу и ордер принесу... - еще раз ощерившись, я встал из-за сто-

ла, сделал что-то вроде общего полупоклона и ретировался, оставив гавриков дозревать.

После этого я начал слоняться по поселку в поисках счастья. На этот раз в дома не совался, зато совался к обслуживающему персоналу, а именно, к дворникам и таджикам, которые клали неподалеку кусок асфальта. Те отнеслись ко мне с гораздо большей приязнью и вообще были не против поболтать.

- Конечно, я ее не раз тут видела, - сказала мощная чернобровая дворничиха. - То и дело она тут ходила. Туда-сюда, часто ходила...

- Одна или с кем-то?

- По улице обычно одна, хотя вроде с парнем один раз была... - - Вот с этим? - я показал ей фотку Симы Могильного.

- Ага, с этим, да. А так все одна. То туда идет, то сюда.

- В какие дома она заходила?

- Ну, к этим, и к этим еще... - она показала на дом Симы и на тот, что был напротив. - Я часто видела.

- А вчера? Вчера утром она тут появлялась? Часов с восьми или раньше?

- Не моя смена была, - дворничиха искренне огорчилась и в знак печали одним пальцем подняла громадное ведро с водой и переставила его поудобнее.

- Ничего, все равно спасибо, вы здорово помогли! - успокоил ее я и пошел к асфальтоукладчикам.

Некоторое время нам пришлось продираться через язы-

ковой барьер, потому что они почти не знали русского, а я совсем не знал таджикского. Наконец я использовал гугл-переводчик и узнал, что они не таджики, а узбеки. Я перевел вопросы на узбекский и получил ответ, что асфальт они вчера как раз утром клали, но упомянутую девицу не видели, иначе бы точно запомнили (здесь печатавший ответ парень подмигнул). Я подмигивать не стал, просто сказал им «рахмет» и ушел дальше вдоль по улице. Теперь мне нужно было попасть в дом, на который показала дворничиха.

Там оказалось всего четыре квартиры: люди жили просторно. Неприязненная гражданка в белом костюме, высушенная на мой звонок из квартиры на первом этаже, сразу же опознала Агату и сказала, что та шастала в квартиру номер три, а она сама, дескать, ничего не видела и не знает. Я не был уверен, что она не соврала, но тоже решил оставить ее на развод, а сам пошел в третью квартиру.

В третьей квартире даже через толстенную железную дверь было слышно, как, надрываясь, орет ребенок. Вopil он так, что я уже подумал, что удачно попал на сеанс семейного насилия, но открывшая мне замученная баба всего лишь держала отпрыска на руках. Тот же мечтал оказаться как можно дальше от матери - возможно, где-то на Луне, судя по энергии, с которой он вырывался, и громкости ора. Было ему года два, до убийцы еще не дорос, так что я перестал обращать на него внимание и заорал матери:

- Здравствуйте! Я из полиции! Хочу с вами поговорить!

- Здравствуйте! Простите, сын не в настроении! А можно ваши документы?!

- Вижу, что не в настроении!! Нате!! - я сунул ей корочку. Ребенок принялся тоже разглядывать ее и заткнулся. Мать прочитала и подняла на меня измученные глаза:

- Хорошо... А чего вы хотели?

Я открыл было рот, но тут к нам из глубины квартиры подоспел отец семейства. Вот он мне понравился куда меньше матери и даже куда меньше ребенка, хоть и не орал. Это был скользкого вида хмырь в очень фирменном домашнем костюме, с модной стрижечкой и густым загаром. Очень возможно, он также делал маникюр и красил брови, поскольку выглядел в три раза ухоженнее жены.

- Что такое? - спросил он противным голосом, растягивая гласные. - Это кто?

- Это я, - сказал я и вторично раскрыл ксиву.

Парень изучил ее, скривившись, будто это был счет от ЖКХ на миллион рублей, и сказал:

- Ну и что? По какому поводу вы нас беспокоите?

- По поводу убийства. Недалеко от вас в лесу найдено тело девушки. Я пройду?

- Ну проходите... Только снимите обувь, ради бога, она у вас очень грязная. Да и одежда...

- Ладно, но вы смотрите не проиграйте в этой игре: если вы такой грязнуля, вдруг у меня ароматные носки?

- Я вам сейчас дам тапочки, - пробормотала женщина и

попыталась нагнуться вместе с ребенком. Тот заорал.

- Не надо мне ничего! - тоже заорал я. - Пройдите вперед, я за вами!

Семейка прошла. Большая пустынного вида квартира с белыми стенами, белыми коврами и редкой мебелью производила какое-то неприятно-больничное впечатление. По дороге я оглядывался по сторонам, но ничего интересного, кроме кучи игрушек, а также спортивного инвентаря (наверное, папашиного) не заметил.

Меня усадили на диван, причем папаша убрал с него какую-то машинку и не преминул упрекнуть жену, что у нее «везде бардак». Ребенок опять заорал, жена попросила мужа его подержать, что тот и сделал примерно на одну сотую секунды, после чего передал отпрыска обратно и брезгливо отряхнул штаны. Жена только устало вздохнула: семейное счастье явно не осеяло этих людей.

Кое-как, прорываясь сквозь постоянные крики ребенка, я рассказал про Агату и сообщил, что соседи видели, как она выходила из этой квартиры несколько раз. Реакция была странной: жена уставилась на мужа, а у того на ухоженной физиономии отразилось сильное - даже, пожалуй, слишком сильное - недоумение:

- Что? К нам такая ходила? Вы ничего не перепутали? Она же скорее из ваших, что ли...

- Из полиции?

- Ну не-ет, но из тех, у которых проблемы с вами, - он

повертел в воздухе пальцами. - Зачем ей к нам-то ходить? Варя, ты ее видела?

- Нет... Соседи перепутали что-то.

Мимика у жены была какая-то непонятная: то ли испуг считывался, то ли замешательство. Только относилось это все, кажется, не ко мне, а к мужу. Она его боится? Хорошо бы еще как-то на них надавить - но тут вместо меня все психологическое давление взял на себя ребенок. Допрос сквозь вопли проводить было контрпродуктивно, еще и мысли из головы звуком вышибало. Но, раз пришел, я все-таки попытался:

- Вы оба работаете дома?

- Не-ет, я езжу в офис в центр, у нас трейдинговая компания, а Варя сейчас в декрете вот, отдыхает... Ну, подрабатывает, конечно, немного, себе на булавки, - муж неприятно хохотнул.

- То есть вас дома не бывает со сколько до сколько?

- Ну-у... Примерно с восьми утра до восьми вечера, но, бывает, и в девять приеду, и в десять, компания у нас развивается, бывают переработки, тимбилдинги...

- В таком случае вы могли убитую и не встречать. Может быть, она к вам приходила? - обратился я к жене.

- Зачем? - пробормотала та, не разжимая губ.

- Ну не знаю зачем - может, по хозяйству помогала или что...

- У нас никаких помощников и нянь нет! - заявил муж

с гордостью. - Сами справляемся. А что такого? Как наши мамы справлялись раньше! Без всякой техники! У Варьки тут и посудомойка, и робот-пылесос, сын у нас всего один, не хватало еще на уборщицу и няню деньги тратить! Мы сразу договорились. Я ей так и сказал: нечего всяких людей в дом водить, черт их знает. Перепачкают тут все или даже украдут что-нибудь.

- Да, конечно, - Варя кивнула с бледной улыбкой.

Я посмотрел на нее со смесью досады и сочувствия. Понятное дело, она врала, но, чтобы проговорить причину, нужно было убрать мужа. Пока я раздумывал, как отделить их друг от друга, муж устранился самостоятельно. Ему кто-то позвонил, и он, радостно выкрикнув «Да-да, я совершенно свободен!», ускорил от нас через анфиладу комнат.

- Проводите меня до двери, пожалуйста, - сказал я Варе. Та кивнула.

Оказавшись за поворотом коридора под звуковым щитом ребенка, я наклонился к Вариному уху и сказал негромко, но четко:

- Вы же ее знаете. Она у вас уборщицей подрабатывала или няней?

- Няней, - Варя подняла красные глаза. - Потому что...

- Можно не объяснять, - я потер ухо. - Вчера она к вам приходила?

- Должна была прийти... И не пришла.

- Во сколько должна?

- На десять утра договорились. Только можно Денису не говорить?

- Ничего не могу обещать, зависит от обстоятельств дела. Но без причины я вообще никому ничего не говорю.

- У меня же, выходит, алиби нет... Я с сыном была дома. Пыталась Агате дозвониться несколько раз, она не брала.

- Скажите номер, с которого звонили, я проверю. На сегодня хватит, потом, может, я еще приду или вас вызовут.

Варя покорно кивнула. Она напоминала худосочного зомби, и у меня были большие сомнения, что она способна на такую активность, как удушение, да еще двойное. Хотя, если сил мало, как раз, может, недодушила и со второго раза справилась... Ребенок все же мешал думать, поэтому я записал Варин номер и распрощался.

На улице светило солнышко, рычал асфальтовый каток, пели птички. А навстречу мне по свежему асфальту шла... Ксюша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.